

A man with a beard and mustache, wearing a dark suit, white shirt, and blue tie, stands on the left. A woman with blonde hair, wearing a dark top, is on the right, holding a baby. The baby has blue eyes and is wearing a light-colored, ribbed onesie. The background is a soft, out-of-focus blue and white.

**ТАТЬЯНА
НОВИКОВА**

**ИСТОРИЯ ОДНОЙ
БЕРЕМЕННОСТИ**

Татьяна Новикова

История одной беременности

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68851635

SelfPub; 2023

Аннотация

– Твой муж тебе изменяет. Пока я считала наш брак образцовым, он встречался с другой. Пока я задерживалась на работе, он зажимал её в офисе. Пока я планировала наше будущее, он решил за нас обоих. Я узнала, что у мужа есть любовница, и твердо решила ему отомстить. За все мои обиды, за неудавшиеся попытки ЭКО, за пролитые слезы. Отомстить... став счастливой. Без него.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	42
Глава 4	58
Глава 5	82
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Татьяна Новикова

История одной беременности

Глава 1

– Мне тридцать лет, и я не могу выносить ребенка.

Мои слова звучат как приговор, эхом бьются о стены. Я так долго носила их в себе. Так долго отрицала, замалчивала, скрывала за отговорками.

– Вы хотели сказать, *всего* тридцать лет, – улыбается глазами врач. – Не будьте столь пессимистичны. В вашем возрасте многие только задумываются о пополнении семьи.

Рот её закрывает медицинская маска, но в голосе чувствуется поддержка.

Только вот меня не нужно поддерживать.

Всего тридцать лет – это другое. Всего тридцать лет – это когда вы поженились в двадцать девять и не особо планировали детей, а потому разовая осечка вас не смущает.

Но если вы женаты пять лет, если перепробовали все методы зачатия, если ты прошла через четыре процедуры ЭКО, если провела на операционном столе несколько не самых приятных часов и вбухала в лечение четыреста тысяч руб-

лей, потому что выбить квоту в твоём городишке нереально – это не всего тридцать лет.

Я устала от таких участливых врачей, как устала и от безразличных. Мне надоели их однотипные советы. Я наизусть помню список анализов для ЭКО, мои руки исколоты тысячей игл.

И вот сейчас, смотря в добрые глаза очередного репродуктолога, я внезапно понимаю: всё, хватит. Выгорела.

Хочется расплакаться, но держусь.

– Анализы у вас хорошие, – она перебирает жирную пачку с бумажками за последние пять лет. – Эндометрит пролеченный, мужской фактор не столь критичен. Когда была последняя попытка зачатия?

– Полгода назад.

– Чем закончилась?

Тройней, блин.

Неужели не очевидно, чем закончилась последняя моя беременность, если сегодня я сижу перед ней?..

– Я имею в виду, на каком сроке прервалась ваша беременность?

– Сразу после имплантации, – говорю вымученно.

Два последних эмбриона, идеальное качество, благоприятные прогнозы.

Промах.

Вторые полоски на тестах поначалу обнадеживающе темнели, и я почти поверила в чудо. Но затем они начали свет-

леть, а на двенадцатый день вообще пропали.

Анализ показал очередной пролет.

Я тогда не выдержала, отказалась возвращаться в ту клинику и проходить всю процедуру заново. Полгода отвлекалась на работу, съездила с мужем в отпуск, приучила себя не прислушиваться к организму и не отслеживать задержку. Даже на йогу записалась.

– Попробуем ещё раз? – спросил муж недавно. – Наверное, мы готовы.

Я не была готова. Но не смогла ему отказать. Он ведь тоже переживает, надеется, ждет. Его сестры давно родили, и на семейных ужинах эти же сестры нас очень показательно жалеют. Вслух не говорят ничего, шикают на мужниных родителей, когда те начинают бестактно спрашивать.

Нельзя быть эгоистичной.

Нужно жить дальше, а не заикливаться на ошибках.

Мы нашли новую клинику и нового врача с шикарными отзывами. Но сейчас я смотрю ей в глаза и понимаю, что не хочу ввязываться в это опять.

Я рассказываю ей о предыдущих попытках, тычу в анализы, выписки. Но эмоций никаких не испытываю и больше всего боюсь услышать от нее: «Давайте вступать в протокол».

Но она и не говорит. Глядит на меня изучающе, а затем заявляет то, чего я ожидала от какого-нибудь шарлатана-психолога, но не от врача высшей категории:

– Вам нельзя беременеть. Вы не готовы ни физически, ни

морально.

– Я готова.

– Нет, не готовы. Я могу отправить вас на обследование, но это закончится очередной потерей. Вы готовы платить большие деньги просто так? Не думаю.

Слушайте, мне не нужны наставления. Да, я устала, но какой человек бы не устал? Любой оптимист выгорит после пяти лет неудач.

Меня начинает колотить от злости, а врач продолжает, всё так же мило улыбаясь:

– Знаете, что я вам посоветую? Сменить подход. Есть один человек. Я сразу предупреждаю, он не совсем обычный врач, но отзывы о нем прекрасные. Съездите к нему, расскажите о своей проблеме. Макар Эдуардович посмотрит. А потом возвращайтесь ко мне – будем готовиться к ЭКО.

Она достает визитку, которые лежат подозрительно близко (как будто она их каждому второму выдает), протягивает мне. Говорит ещё что-то, советует выдохнуть, расслабиться.

Я ухожу от нее, хлопнув дверью, в полном бешенстве. Кажется, даже попрощаться забыла.

– Ну, что? – Муж вскакивает с дивана, смотрит на меня внимательно.

Мы давно выплакали все слезы, научились говорить по фактам. Когда, куда, сколько денег. Но теперь во мне бурлит злость:

– Да бред полный! Сказала, что нужно идти к какому-то

другому врачу, и вообще я морально не могу забеременеть! В протокол она меня возьмет только после заключения этого Макара Петровича или как его там.

– Что за чушь? – хмурится. – Она тебя хотя бы осмотрела?
– Нет!

Надо бы пожаловаться на непрофессионализм, только сил нет. Мы едем обратно в полнейшем молчании, лишь у самого дома муж восклицает:

– Я понял! Она просто пыталась впарить тебе своего подельника! Я же сразу говорил, что клиника подозрительная. Маленькая какая-то, слишком дешевая. Тупо разводят на деньги.

– Наверное, – произношу отрешенно.

Мы выходим из машины, я беру пакет с документами и прижимаю его к груди, иду, слепо пялясь в землю. Мужа несет. Он разъярен, собирается ругаться, обещает завалить их проверками.

– Ладно, плевать, – добавляет потом с нездоровой улыбкой. – Нового доктора найдем, сегодня же посмотри в интернете. Всё у нас получится. Родим ещё.

Но я ему уже не верю.

Кирилл быстро забывает о случившемся. Неудивительно, у него заботы, дела, фирма на плечах держится. Хоть и малый, но бизнес. Ему не до бабских переживаний. А я всю ночь лежу с телефоном, читаю форумы, ищу этого Макара

Эдуардовича в интернете.

О нем отзываются скупно, но исключительно положительно.

«МЭ меня с того света вытащил».

«Корнев – просто лучший».

«Дай бог больше таких людей, как Макар Эдуардович».

Непонятно только, чем он занимается. Какой у него профиль? Гинекология?

В визитке никакой лишней информации: ФИО, контакты для связи. Я верчу её в пальцах, потом с раздражением откладываю подальше, потом опять достаю, пробиваю телефон, адрес.

Какой-то отшиб, коттеджный посёлок на краю города. Нет указателя, что это клиника или частный кабинет. Я даже на карте смотрю, но по фотографиям там обычный железный забор, за которым виднеется покатая крыша дома.

Может, позвонить ему?..

Хватаюсь за этого Корнева как за последнюю соломинку.

Нет, глупости. Только деньги потратим непонятно на кого. Окажется, что он какой-нибудь расчудесный астральный психолог или тренер по личностному росту. Какой нам от него практический смысл?

– Ты нашла новую клинику? – спрашивает муж утром, поглаживая подбородок электрической бритвой.

– Ещё нет.

– А чего тормозишь? – смотрит на меня искоса. – Быстрее

начнем – быстрее закончим.

Раньше муж переживал вместе со мной. Мы горевали вдвоем, становясь после каждого провала лишь ближе. Ходили по врачам, закупались тестами на беременность. Но в какой-то момент – и это неудивительно, – он охладел к страданиям, стал трезв и безразличен.

– Не получилось? Пробуем ещё раз.

Для него моя беременность стала целью в жизни. Он вложил в это кучу денег (и вложит ещё больше), а потому ему нужен результат. Иногда мне кажется, что я – очередной его рабочий проект. Он должен дожать меня до конца.

Опять же, родственники ему непрозрачно намекают, что в тридцать пять давно пора нарожать наследников. Любыми способами. За одним из семейных ужинов, перебрав с клюквенной настойкой, моя свекровь хихикнула:

– Может, если проблема в женщине, взять и заменить её? Дешевле выйдет.

Она не знала, что с мужниной стороны тоже не всё гладко. Кирилл запрещал говорить, стеснялся своего диагноза.

Мою свекровь быстренько заткнули очередным тостом за чье-то здоровье. Сестры мужа языком поцокали, мол, чего ты несешь.

Потом она, конечно, извинялась передо мной и сказала, что я не так её поняла.

Но эти слова ржавой иглой впились в душу.

Проще поменять женщину. Дешевле. Надежнее.

Разве не так?

– Я обязательно посмотрю клинику сегодня, после работы, – успокаиваю мужа, а сама натягиваю колготки, одновременно с этим сушу волосы и пытаюсь красить губы. – Вчера не успела, искала отзывы про того врача.

– Забей на него. Нам всякие проходимцы не нужны. Короче, давай, чтоб до конца недели ещё куда-нибудь съездить.

Кирилл шлепает меня по заднице, но не игриво, а как будто подгоняет.

Я киваю, ощущая себя загнанной лошастью. Бесконечная гонка в тщетных попытках забеременеть.

Работа помогает ненадолго отвлечься, но в обеденный перерыв я рассматриваю медицинские центры. В нашем городе больше ничего толкового нет, до ближайшего более-менее приличного места ехать почти четыре часа.

Ну да ладно. Некоторые вон несколько дней в поезде трясутся, чтобы ЭКО сделать. А четыре часа на машине да по хорошей дороге – мелочи.

Я записываюсь на пятницу и звоню мужу, отчитаться. Тот, подумав, говорит:

– Сама съездишь, ладно? У меня деловая встреча, вообще не отменить. Это же первичный прием, я тебе там и не нужен особо. Договоритесь обо всем, потом уже вдвоем приедем. Заключение мои тоже возьми, покажешь.

Конечно, съезжу. Ничего сложного. Маршрутка прямая ходит и вроде даже электричка есть скоростная. Просто...

просто он никогда не бросал меня в таких поездках. Наоборот, всячески подбадривал, пил кофе на диванчиках в коридоре.

– Только убедись для начала, что нормальное место, а не как вчера. Время потеряли, три тысячи заплатили, а толку? – добавляет спокойным тоном, но мне кажется, будто ругает.

Я же тот центр сама выискала, на отзывы повелась, даже не почитала о нем подробнее. Знала бы тогда, что вся клиника – три куцых кабинета в подвале жилого дома. Где они только пункцию делают? Ещё и непонятных Макаров Эдуардовичей советуют вместо того, чтобы самим лечением заниматься.

Если он такой прекрасный врач, почему отсутствует в штате?

– Конечно. Не переживай, всё хорошо будет.

На работе начальница дает очередной отгул, хоть и нехотя, всем видом намекая, что пока я отдыхаю, другие люди вкалывают без выходных. Но меня не пронять вздохами и покачиваниями головы. У меня оставались дни отпуска, буду их тратить. Не запретят.

Тем же вечером я покупаю билеты на маршрутку, и мне начинает нравиться идея съездить куда-нибудь одной. Прогуляюсь по городу, зайду в ресторанчик пообедать. А то живу от месячных до месячных, помешалась на этой беременности, вообще себе времени не уделяю.

Увы, поездка отменяется. В пятницу утром звонит девоч-

ка-администратор и чирикает в трубку:

– Вы были записаны сегодня на прием к Дмитриевой. К сожалению, врач заболел. Давайте мы сообщим вам, как только она выздоровеет?

Наверное, предложи она другого доктора, я бы не стала сопротивляться. Пишут про всех плюс-минус одинаково. Но она не предлагает, а я забываю спросить. Вешаю трубку, осматриваю пустую квартиру.

Муж давно на работе, а я должна была выезжать через полчаса, только из душа вышла и собиралась краситься. Спать не хочется. Ладно, хоть приберусь, раз уж выходной день появился.

В домашних заботах пролетает три часа. Время близится к обеду. Я заглядываю в пустой холодильник и думаю: пообедать в ресторанчике можно и с мужем. Давно мы не выходили с ним «в люди». Обычно заказываем еду на дом, спешно перекусываем по своим углам или за просмотром сериала.

Подъезжаю к бизнес-центру за десять минут до начала обеда. Каждый раз люблюсь этим зданием, полностью стеклянным, как будто построен без единого камня. На пятом этаже – фирма мужа. Они занимают несколько комнат. Я редко бывала у него в гостях – всего два или три раза, – но мне так нравятся эти панорамные окна и солнечный свет, что заливают кабинеты.

На первом этаже недавно открыли хороший ресторан: порции большие, а в обед вообще не протолкнуться – весь

район сбегается. Это мне муж так рассказывал, сама-то я тут не была.

Надо бы занять место, а потом уже звонить Кириллу. Его предпочтения я всё равно знаю: стейк с овощами и крепкий кофе. Сделаю заказ, он как раз спустится...

Я не успеваю додумать мысль, потому что взгляд мой натывается на знакомый профиль. Муж сидит за столиком у окна...

...а напротив него девушка.

Красивая брюнетка, и волосы её убраны в высокий хвост. Голова тяжелеет, перед глазами плывет. Непонимание, обида, страх переплетаются в тугой узел.

Так вот какая у него деловая встреча.

Он улыбается незнакомке, и внезапно меня простреливает странным чувством. Не ревностью, а чем-то страшнее и хуже. Безысходностью, наверное. Мне начинает казаться, что вот она-то, эта брюнетка, точно родит ему сына. А я не рожу. Потому он обедает с ней, а меня отправил в другой город.

Успокойся, Рита. С чего ты взяла, будто между ним и этой девушкой что-то есть? Он пришел сюда обедать, взял с собой кого-то из офиса. Не в одиночку же ему давиться мясом. Ты ведь тоже иногда обедаешь с Колей из бухгалтерии. Без какого-либо злого умысла.

Всё-таки я набираю номер мужа.

– Кирилл? – вижу, как он достает телефон и через

несколько секунд созерцания экрана отвечает. – Ты сейчас занят?

– У меня встреча, – а затем зажимает ладонью динамик и что-то говорит девушке; та кивает. – Тебе срочно или поболтать? Ты уже от врача?

– Я... да, от врача, – машинально обманываю, хотя надо бы сказать, что поездка обломалась, поэтому я стою в трех метрах от него. – Ничего толком не сказал. Пересдам кровь и ещё раз приеду.

Он поднимается из-за столика, делает жест девушке подождать. Уходит куда-то.

Блин, а вдруг на улицу?! Покурить или просто проветриться.

– М-да, только деньги выкачивают. Не хватает им уже имеющихся анализов. Не расстраивайся. Дельная клиника или, может, другую найдем? Давай столичные посмотрим.

Я забегая за угол дома и отвечаю оттуда, убедившись, что меня не видно:

– Нет-нет, нормальное место. Просто врач дотошная. Не надо спешить с выводами. Уже выбрали это место, значит, надо добить.

– Хорошо, правильная идея. Ты поужинай сама, меня не жди. Я сегодня поздно буду.

– Ага... я тебя люблю...

Но он нажимает на сброс быстрее, чем я заканчиваю фразу. И поначалу меня душит слезами. Становится страшно.

До боли. До отчаяния.

Но когда первая волна паники отступает, я начинаю думать здраво, без разрушительных эмоций.

Он же не соврал. Он не сказал, что у него важное совещание или что он едет в машине. Ведь именно так прокальваются изменщики. Уверяют, что у них дела, а сами валяются в кровати с любовницами, где их и застают с поличным.

Но Кирилл-то был честен. Он обедает с какой-то брюнеткой. Ну и что?

Всё ещё, я сама хожу в столовую с Колей. У Коли трое детей от бывших жен и нынешняя жена на седьмом месяце беременности. Коля настолько измучен, что ни у одной женщины не появится мысли его соблазнить. Мне кажется, если ему кто-нибудь намекнет на интим, он первый сбежит с криками: «Нет! Ещё раз я на это не поведусь!!!»

Чем Кирилл хуже? Почему мне можно обедать с коллегами, а ему – нельзя?

Разве он давал мне повод хоть раз усомниться в его верности? Разве не проходит он со мной через все испытания, не поддерживает в минуты, когда накатывает тоска?

Хватит быть такой эгоистичной и вечно надумывать худшее.

Но поздним вечером, когда муж возвращается домой, я всё же не выдерживаю и спрашиваю:

– С кем ты сегодня обедал?

– А что? – удивляется.

Он даже раздеться не успел, так и стоит в одном рукаве куртки. Но мне срочно требуется ответ, чтобы окончательно успокоиться. Я же вся извелась. Подозрениями себя задушила. Даже искала эту брюнетку среди друзей Кирилла в социальной сети – но никого похожего не нашла.

– Тебя видела Маша, говорит, ты с какой-то девушкой был в ресторане...

Признаться до конца не могу. Стыдно, что подглядывала, что не доверяю всецело, что разъедаю душу сомнениями. Я ведь не такая. Я всегда была легкой, рассудительной.

Была...

– И ты заревновала? – он смеется, но отвечает не сразу; вешает куртку, стягивает ботинки. – Дурочка, это мой партнер по бизнесу. Ирина Михайловна Витковская, если конкретнее. Её фирма нам поставляет краски. Нужно было новый контракт заключать, а где лучше скидки выбивать, если не за тарелкой салата? Подумай головой. Зачем мне с кем-то другим общаться, когда у меня ты есть?

Быстрый поцелуй в щеку. Шлейф его туалетной воды по моей коже.

Я верю.

Да, точно верю.

Тем более чуть позже нахожу в интернете упоминание о Витковской, она – директор небольшого заводика, который занимается производством красок. Всё совпадает. Волноваться не о чем. Надумала себе лишнего.

Всё-таки у женщин срывают крышу, когда речь заходит о праве собственности на их мужчин. Мы становимся неуправляемы.

Утром я рассказываю эту нелепую историю Свете. Мы делим с ней один кабинет вот уже семь лет и, понятное дело, крепко сдружились. Я знаю всё про её парней (тех всегда много, но стабильного так и нет), она – первая, кому я рассказываю о неудачах с беременностью.

Наверное, потому что Светка не задает глупых вопросов и никогда не жалеет. Не начинает сюсюкаться, повторять: «Да ты не волнуйся» или картинно возмущаться, как же так, почему всякие алкоголики рожают, а приличные люди не могут.

Она выслушивает, поддерживает, но не бесит.

– Тебе не кажется, что слишком всё гладко складывается? – спрашивает Света, когда я, отсмеявшись, заканчиваю.

– В смысле? – непонимающе хмурюсь.

– Ты застала его именно в тот единственный раз, когда он был с этой партнершей по бизнесу. А может, он так ежедневно обедает, просто тебе не говорит?

– Да даже если ежедневно, – пожимаю плечами. – Пусть обедает, жалко, что ли.

– Глупая ты. И наивная. Вино на столе стояло?

– Э-э-э. Нет. Не всматривалась.

Пытаюсь воскресить картинку, но мозг упрямо буксует.

Помню профиль Кирилла, длинный хвост его спутницы, руки её обнаженные. Платье – или топ – на тонких бретельках. А вот напитков не помню.

– Поверь моему опыту, Маргаритка. Мужчина просто так со всякими курицами не встречается. Либо она его охмурить хочет, либо они уже шашни крутят.

– Зачем его охмурять? Он женат.

– Ой, жалость-то какая. Придется немного совестью поступиться, когда будет на нем скакать.

Светка машет головой, якобы с раскаянием. Она – роковая до самой последней клеточки. Леди-вамп. Каре черное, до подбородка, губы всегда алые, сочные, ресницы хоть и накладные, но сделаны очень качественно, как настоящие. Света одевается исключительно в облегающие платья, ходит на пятнадцатисантиметровых каблуках.

Она знает толк в мужчинах, выучила их наизусть.

Я бы поверила ей в любой другой ситуации, но речь идет о моем Кирилле. Как она может судить о нем? Он не входит в категорию среднестатистических мужчин. Тем более мы ребенка родить пытаемся. Разве будет муж с тобой возиться, если уже изменить надумал?

Короче, она просто судит всех одинаково. Предвзято. Нельзя так.

– Витковская, говоришь? – задумчиво спрашивает Света через какое-то время, когда я уже почти позабыла о нашем разговоре и с головой ушла в отчет. – Завод краски делает?

– Ну да, а что?

– Да нет, ничего такого. Я просто вот о чем думаю. Странно, что на фото Витковская – старая карга, а в жизни миловидная брюнетка. То ли у тебя зрение плохое, то ли фотка неудачная. Не пойму никак.

Она сидит, уткнувшись взглядом в мобильный телефон.

Я подхожу, заглядываю Свете за плечо.

С фотографии на меня смотрит возрастная женщина в очках, стоящая за трибуной. Губы её поджаты, темные волосы с проседью убраны под заколку.

«Ирина Витковская выступила на строительном форуме с докладом о масляных составах», – гласит надпись под фото.

Глава 2

Мне кажется, я рухнула в пропасть. Не помню завершение того рабочего дня. Света понимающе молчала, не пилила, только коньяка предложила в обеденный перерыв. Я отказалась. Не люблю алкоголь. Он не помогает отпустить ситуацию.

Раньше – после первых неудач – я покупала бутылку вина и выпивала её в одиночестве, рыдая над тестом с одной полоской. Мне хотелось как-то расслабиться, ненадолго, на вечер-другой.

Но поутру болела голова, а ситуация не менялась.

Я... я пыталась как-то оправдать Кирилла. Мог он ошибиться? Перепутал поставщиков или обедал вчера сразу с двумя партнерами? Или это дочь Витковской, полная тезка? А может, он думал, что на встречу приехала сама Витковская, но оказалось, что это – её заместитель? Ну, не представилась. По имени-отчеству они друг друга не называли. Или вообще фотограф перепутал человека, и снимок подписан чужим именем?

Бывает же такое?

Глупая ошибка, и только. Совпадение, коих тысячи.

Вот зачем Свете понадобилось пробивать ее фотографии?! Уела меня, спасибо! Доказала свою правоту!

Блин, я схожу с ума. Обвиняю подругу в том, что она хо-

тела мне помочь.

Надо срочно поговорить с Кириллом. Пусть объясняется. Или не надо? Что он скажет?

«Ой, милая, прости, я совсем забыл, что сплю с другими бабами, пока ты катаешься по больницам?»

Нет, конечно. Он найдет отговорку, даже если подозрения Светы оправданы. Мой муж – первоклассный предприниматель. Сколько раз он сидел дома, но по телефону жарко уверял заказчиков, что самолично бегаёт по объекту? Он запросто придумает любую отмазку.

Если, конечно, её вообще надо придумывать...

Почему я сомневаюсь в собственном муже, который ни разу за пять лет не дал мне повода для ревности? Он всегда был максимально верен. Даже корпоративные сборища не любил и меня туда не звал, предпочитал в тот же день посидеть узкой компанией с друзьями. В шумных компаниях не гулял. Работал до посинения.

Но сомнения, уже пролезшие в душу, терзают всё сильнее. А если он устал от безуспешных попыток забеременеть? Да и как часто мы живем с ним... ну... как мужчина с женщиной? Даже не вспомнить толком. То воздержание из-за лечения, то анализы, то сохраняем микрофлору перед зачатием.

Его вроде бы это не парит, но любой мужчина захочет уюта, семейного счастья.

Нужно родить уже, тогда точно всё наладится. Он так о сыне мечтает, всякий раз с гордостью показывает на мальчи-

шек друзей. Говорит:

– Одно слово: наследники! Эх, нам бы такого же.

Когда там клиника очухается? Я готова вступать в новый протокол! Решено, не буду откладывать. Хватит, вдоволь пожалела себя. Пора заняться делом.

Но врач может и неделю болеть, и две, и три... а цикл уже перевалил за середину, в этом месяце ничего делать не будут.

Опять ждать. Как же надоело.

Я вспоминаю про визитку сомнительного врача без конкретного рода деятельности. Вытягиваю из пакета с документами, куда небрежно кинула.

Поздновато уже, восьмой час, но просто съезжу, осмотрюсь, запишусь в регистратуре. Может, там всё же есть какая-нибудь вывеска? Как долго обычно работают такие заведения? До девяти точно.

Успею.

Звонить не хочу – мне нужно убедиться, что кабинет существует физически. По телефону-то можно всякого наговорить.

Такси привозит меня на окраину города. Многоэтажки сменились низенькими частными домами, фонарей стало меньше, как и машин. Я словно попала в другой город, тихий, сонный. Богатый. Здесь выстроились дорогие коттеджи. Кирпичные или белокаменные, они спрятаны за высоченными оградами.

Я долго стою напротив нужного дома и разглядываю двух-

метровый забор. Никаких вывесок нет. Вообще ничего не выдает здесь клинику. Наверное, всё же врач экономит на аренде и принимает прямо у себя дома.

Бр-р, надеюсь, он не гинеколог. Не хотела бы я обнажаться у непонятого мужика в гостинной.

– Вам что-то подсказать? – тяжелый голос заставляет меня подпрыгнуть на месте.

Мужчина, что стоит за моей спиной, большой, но не грузный, а крепко сбитый, массивный. Короткая стрижка, плотная щетина. Он напоминает какого-то бандита из девяностых. Сверлит меня внимательным взглядом из-под густых бровей.

– А? Нет, спасибо. Просто задумалась.

Я отступаю в сторону, позволяя ему пройти, но мужчина не торопится. Кажется, ему приносит удовольствие наблюдать за тем, как меня начинает потряхивать от волнения. Не люблю такие встречи. Особенно, когда кругом ни единой живой души, а жильцы каменных домов-монстров точно не прибегут на помощь. Даже если орать буду.

– Что-то не так? – спрашиваю осипшим голосом, пока рука тянется к мобильному телефону.

То ли заказать такси, то ли позвать на помощь.

– Всё так, – ухмыляется он.

А затем подходит к воротам того самого дома, который я буравила взглядом последние десять минут, и вставляет ключ в замочную скважину.

Кажется, я только что познакомилась с Корневым Макаром Эдуардовичем.

И он мне совершенно не понравился.

Хорошо, что я увидела его заранее. А то позвонила бы, договорилась о приеме – как потом отказаться?

Теперь вот уверена: не нужен мне такой врачеватель, пусть ему хоть медаль выдадут за повышение уровня демографии в стране. Не пойду к нему. Преступник какой-то с щетинистой харей. Не представляю, чем конкретно он занимается, но явно какой-то гадостью.

Я возвращаюсь домой. Кирилла ещё нет. Жалко, хотела рассказать ему про сомнительного дяденьку-доктора. Он, конечно, запретил с тем связываться, но я и денег не платила. Просто посмотреть хотела.

Посмотрела вот. До сих пор не по себе.

– Ты где? – звоню мужу, а сама шинкую салат к позднему ужину.

– Да задержался на работе, не знаю, когда вернусь, – тарбанит он в трубку. – Проект сложный. Не вытягиваем. Сроки горят, поставщики – дегенераты. Не жди меня, ложись спать.

Раньше бы меня не смутили эти его слова. Кирилл частенько оставался в офисе допоздна. Ну а как иначе? Когда ты возглавляешь фирму, то должен быть в курсе всех процессов. Это наемные работяги могут разойтись, а ты сиди до

победного конца и разгребай завалы.

Но сегодня... сегодня червячок сомнения засел под легкими и начал точить меня, вгрызаясь во внутренности.

«Срочно езжай в офис», – шептало в ушах гаденьким голосочком.

«Убедись, что он там».

«Узнай, где он ошивается».

У меня даже появилось желание съездить и проверить, но потом я запретила себе сходить с ума. Как я проверю? В окна вглядываться буду? Угу, а что ему мешает работать с выключенным светом? Ноутбук есть, и хватит. Кирилл ночами постоянно зависает у компьютера в темноте.

Или мне вломиться к нему в кабинет? Что я скажу? Упс, я тебе сюрприз сделала?

Он задаст единственный логичный вопрос: зачем? Просто так? Впервые за пять лет захотелось?

Чокнулась на фоне ревности?..

Хм, а если чулки достать, белье красивое надеть и приехать к нему с настоящим сюрпризом? Как давно мы радовали друг друга такими мелочами? Совсем в бытовых мелочах погрязли.

Я даже чулки не могу найти поначалу, запрятала их куда-то при генеральной уборке, посчитав ненужной вещь в гардеробе.

О, вот они.

Быстренько споласкиваюсь, нацепляю костюм воинствен-

ной стриптизерши, нахожу длинный осенний плащ. Всё как в фильмах. Приду к нему, скину пояс, а там...

Я, конечно, не подумала, чего конкретно он ТАМ не видел за пять лет совместной жизни? Но тут важен сам момент, а не новизна картинки.

Заодно и проверю реакцию. Скажет, что не в настроении – точно нужно беспокоиться.

Но стоит мне нацепить туфли, как телефон взрывается звонком. Кирилл.

– Я пораньше освободился. Заедем за продуктами? Молоко кончилось, бананов бы докупить, – зевает в динамик.

– А, хорошо, – отвечаю грустно.

Развязываю пояс, убираю плащ подальше в шкаф, чулки эти чертовы комкаю и пихаю вглубь ящика с бельем как доказательства моего помешательства и позора. Натягиваю футболку, джинсы. Всё. Классическая Маргарита Денисова в домашней униформе.

Даже жалко как-то. Такой порыв испорчен.

Можно, конечно, образ оставить. Пусть бы Кирилл видел меня всю такую красивую, представлял, фантазировал...

Но ехать в супермаркет и сверкать голой попой, склоняясь к полкам с консервантами как-то совсем не хочется.

С другой стороны, хорошо, что муж позвонил и сам предложил съездить в магазин. Разве будет человек после измены покупать продукты? Нет, конечно. Он либо спать завалится, либо домой вернется, изображать невиновность.

Меня окончательно отпускает.

Ровно до следующего утра и язвительного вопроса Светы. Прямо с порога, не дожидаясь, когда я стяну куртку:

– Ты поговорила с Кириллом?

Подруга выглядывает из-за монитора, а я стою перед шкафом и понимаю, что хочу ссутулиться, стать меньше, незначительнее. Спрятаться куда-нибудь и не вылезать.

– Нет. Не было возможности, – оправдываюсь зачем-то.

– Не было возможности сказать, что он – кобель? – удивляется она. – Я тебя научу. Прямо сейчас пишешь ему смс.

– Свет, не лезь, пожалуйста.

Её глаза так сильно закатываются, что должны сделать оборот в триста шестьдесят градусов и вернуться обратно.

– Угу, разберетесь вы, разбиратели. Ты будешь терпеть, а он – гулять. Все счастливы. Ты ещё ребенка от него планируешь завести. Вот родишь, и он тебя бросит. Как тебе такая перспектива?

Бьет по самому больному месту.

Я начинаю задыхаться.

Раньше Светка всегда была корректна, не лезла с допросами, не измывалась. Мы же друг дружку как облупленные знаем, все слезы напополам делим. Как иначе, если половина жизни проходит на работе?

А она... как она может... так равнодушно...

– Ты сама ответила на свой вопрос. Зачем Кириллу со мной детей рожать, если другие бабы кругом ходят? Бери

любую и оплодотворяй, да ещё бесплатно.

– Ой, не факт, – вздыхает Света, но взгляд опускает. – Он просто хочет закончить начатое. Ты же сама говоришь, для него это дело принципа. Или он боится, что из-за его проблем вообще никто родить не сможет. Или твоему мужу просто нравится изменять, но жить он планирует с тобой. Мало будто таких альфа-самцов?

– Прекрати! – хлопаю дверцей шкафа. – Я не желаю больше обсуждать моего мужа.

– Дурочка, я же тебя предостерегаю, – говорит она мирно. – Больно будет потом. Уж я-то знаю. Тебе нравится обманываться, но правда всё равно всплывет.

– Сама разберусь.

– Всё-всё, не лезу.

Весь день мы не общаемся, уткнувшись каждая в свой монитор.

Не о чем говорить.

Не собираюсь доказывать ей что-то.

У Светки мировоззрение такое. Когда мужиков много, теряется ценность настоящих отношений. Перестаешь видеть в мужчине человека. Её нельзя осуждать, но и меня – тоже. У нас разные пути, разные дороги.

Мужчины тоже разные.

Кирилл – другой.

Ближе к вечеру приходит сообщение от мужа:

«Опять задержусь. Не скучай».

И грустный смайлик в конце.

Но меня это только радует! Не вчера, так сегодня осуществлю коварный план по соблазнению Кирилла!

И чулки, и белье, и пояс находятся быстро, как специально прыгают мне в руки. Всё горит, спорится. Макияж получается – закачаешься. Ни грамма пошлости, но вечерний, запретный такой. Плащ хорошо сидит, с туфлями прекрасно смотрится.

Я подъезжаю к бизнес-центру, почти погасшему к ночи. Лишь в нескольких гигантских окнах теплится свет.

Входная дверь открыта, но у входа сидит охранник. Смотрит на меня внимательно, ничего не спрашивая.

– Мне нужно в пятьсот седьмой офис, – улыбаюсь ему приветливо. – К Кириллу Денисову, он владелец ООО «Стройпроект».

Охранник сверяется с электронными часами, на которых горит зеркальное время «20:02», подслеповато изучает рукописный журнал.

– Пятьсот седьмой кабинет поставлен на сигнализацию два часа назад. Там никого нет. Весь пятый этаж закрыт.

– Как нет?..

– Вот нет, и всё. Идите, девушка. Не мешайте работать.

И вновь включает на телефоне сериал, который я помещала ему досмотреть.

Я выхожу на улицу, зябко кутаюсь в плащ и набираю телефон мужа.

– А ты где?

– Рабочие вопросы решаю, – на фоне доносятся голоса, грохочет музыка. – Мы с заказчиком в ресторан поехали, надо бы умаслить его. Сама понимаешь, сроки срываем, нельзя без извинений. Нескоро вернусь.

– Понятно.

Изучаю погасшие окна здания, ночную улицу, по которой проносятся одинокие автомобили.

Я так по-дурачки смотрюсь в этом наряде, с распущенными волосами и похабным макияжем (теперь он кажется мне похабным), как будто собиралась на панель, но даже туда не взяли. Ноги подмерзают, и на душе воют волки.

– Слушай, а где вы сидите? – звоню опять мужу с внезапным порывом. – Я заеду?

– Зачем? – искренне изумляется Кирилл. – Не надо. Мы же чисто мужской компанией. Странно будет, если ко мне жена примчит. Я не подкаблучник какой-то.

– Я за соседним столиком сяду, – несу полный бред, но не могу остановиться. – Чай выпью, подожду тебя.

Голос дрожит.

Конечно же, я не собираюсь к нему ехать, просто хочу услышать: "Да, конечно, приезжай". Понять, что Кириллу нечего скрывать. Убедиться, что его не смущает близость жены.

Но муж недоволен:

– Рит, ты чего удумала? Глупости какие-то, сидеть за со-

седним столом. Займись лучше чем-нибудь полезным.

Чем только? Уборкой или готовкой? Глажкой, стиркой, протираанием пыли?

Ведь у женщин есть столько «интересных занятий», за которыми они должны отвлекаться, дожидаясь своих мужчин. А те с самых древних времен где-то шляются. Раньше за мамонтами охотились, пока жены в пещерах уют наводили. Потом в крестовые походы уходили на долгие годы, а супруги их преданно ждали. Теперь придумали всякие командировки и совещания, на которых пропадают до самой ночи.

Некогда им дома валяться, у них дедлайны, авралы, цейтноты.

А если и в доисторическую эпоху, и в средние века мужчины просто хотели отдохнуть от нас? Вот и сбегали на другие континенты, тигров саблезубых умирляли, войны устраивали. Только бы не видеть свою ненаглядную, одетую в грязный фартук (или застиранную шкуру).

Вечно недовольную, уставшую.

Эта мысль удивляет меня своей простотой.

– Хотя бы ролл мне закажи, – вздыхаю. – Филадельфию.

– Рит, дурью не страдай. Возьми и сама закажи себе хоть Филадельфию, хоть Калифорнию, хоть весь Техас во главе с Хьюстоном. Я тебя в деньгах не ограничиваю.

Он вешает трубку, а я стою в трусах на босу ногу и отчетливо слышу, как наш семейный фундамент покрывается трещинами.

Почему я вновь думаю о том жутком мужике – владельце коттеджа на окраине города? О враче непонятной квалификации? Отвлекаюсь, но вновь и вновь возвращаюсь к нему. Визитка лежит в сумке, я её специально не трогаю, но она так и манит рассмотреть себя подробнее.

Отзывы опять ищу – впустую. Кроме тех, коротких, ничего нет. Корнев Макар Эдуардович не особо-то светится в сети. У него нет профиля, он не выкладывает фотографии или видео, не делится свежими новостями.

Мне нужно как-то отвлечься от мужа, пропадающего незнамо где, и я нахожу спасение в этом Корневе. Интересно же раскусить его.

Да только бесполезно.

Той ночью Кирилл возвращается глубоко за полночь, не будя меня, заползает под одеяло. От него пахнет крепким

алкоголем, сигаретами и чем-то сладким. Туалетной водой? Цветочной такой, приторной.

Нет, наверное, чудится.

Я делаю вид, что сплю, а сама сжалась в комочек и пытаюсь вспомнить все те разы, что муж задерживался в офисе. Чем он занимался? Развлекался с «заказчиками» или портил зрение, работая с документами?

Может быть, права та врачиха? Я морально истощена, выжата как лимон, причем уже давно. Мне нужно успокоиться, а не получается, потому что не осталось ничего светлого внутри. Одно отчаяние и промозглый сумрак.

Я разъедаю себя подозрениями, обидой и страхом перед будущим, которого может не случиться.

Надо что-то делать с этой дуростью. Вернуться к йоге, съездить на выходные в какой-нибудь спа-отель.

Утром первым делом извиняюсь перед Светкой:

– Я не хотела на тебя сорваться. Прости.

Та машет рукой, мол, не парься.

– Я даже не обиделась.

– Слушай, странный вопрос. Но могу я попросить тебя о помощи? – и протягиваю ей визитку. – Мне тут врача рекомендовали, сказали к нему по поводу беременности обратиться. Ты можешь ему позвонить? Узнать, чем он занимается?

– А сама?

– Не хочу. Даже причины тебе не объясню, их нет. Про-

сто... не хочу, и всё. Мне себя не заставить. Но если тебе сложно...

– Да ну, несложно, конечно. Чем он тебя заинтересовал?

Я рассказываю о том, какой странный этот самый врач. О коттедже его элитном без опознавательных знаков, о неизвестной отрасли. Короче говоря, не человек, а сплошной знак вопроса. Ещё и выглядит пугающе.

Света набирает номер, и мы обе слушаем долгие гудки.

– Не берет, – цокает языком и тут же подпрыгивает на стуле. – Да-да, добрый день, Макар Эдуардович! Надеюсь, не отвлекаю.

Ей отвечают тихо, не могу разобрать слов.

– Мне к вам посоветовали обратиться... кто посоветовал? – подруга кивает мне, и я называю имя врача. – Регина Самойленко, клиника «Мир репродукции». Да-да, проблемы с беременностью. Никак не получается, пять лет уже. Хотела к вам прийти на консультацию. Кстати, а вы специалист какого рода?

Она замолкает, сосредоточенно слушает и начинает размашисто кивать, словно собеседник должен видеть её согласие. Светка напоминает мне школьницу, которую отчитывает учитель.

– Да-да, поняла. Обязательно буду. Сегодня в семь? Договорились. Спасибо большое. – Блокирует телефон и говорит с непониманием: – Не ответил он, чем занимается. Сказал приходить, пообщается со мной. Типа тогда и решит, брать-

ся или не браться.

– Я же говорю, он странный. Как это: не ответил клиенту, чем занимается?!

– Ну, надо съездить, – пожимает плечами. – Гении, они такие. Сложные. Сама говоришь, отзывов о нем хоть и мало, зато все положительные. Чем черт не шутит? Вдруг он только за самые сложные случаи берется?

– Нет, я не поеду.

Брови Светки ползут ко лбу.

– Да почему?!

– Не хочу всяким шарлатанам доверять. Устала уже.

Подруга понимающе кивает.

– Давай я сама съезжу, обстановку разведу. Если нормально там всё, то сходишь. А если мне не понравится – ну и пошел лесом.

– Но у тебя же нет никаких проблем...

Не знаю, почему мне так важно разобраться с этим Корневым, но прям-таки не остановиться. Всё кручу его в голове и кручу. Как заколдовал меня кто-то.

– А он откуда знает? – ухмыляется подруга. – Документов не возьму, от осмотра откажусь. Ну а поговорить – всегда пожалуйста. Проверим его. Раз уж он тебя так вставил.

Я порываюсь ответить, что никто меня не вставлял, но зачем врать самой себе? Да, мне жутко интересно. Кто он такой, чем примечателен. Мошенник или, как выразилась Света, гений?

Как на домище себе такой заработал? Явно не в больнице вкалывает за голый оклад. Вдруг у него расценки заоблачные, что и не потянем мы их при всем желании?

Короче, вопросов больше, чем ответов. И я благодарна Свете за то, что она готова взять и поехать к незнакомому человеку вместо меня. Принять удар. Потратить личное время.

Вечереет. Мы со Светой прощаемся, и я возвращаюсь домой с непонятным трепетом. С предвкушением чего-то особенного. Так ребенок ждет новогоднюю полночь, поглядывая на часы.

Я даже о Кирилле забываю, который пришел домой вовремя, но абсолютно не в духе, и теперь ругается с кем-то по телефону.

– В смысле, артикул древесины перепутали?! – ярится он. – Да я всех уволю! Заколебали! Да плевать мне, что на сайте был сбой! Вы габариты-то отличать умеете?

Прикрываю дверь на кухню, где носится разъяренным зверем муж. Его крики – не моя проблема.

Взглядом впиваюсь в погасший экран телефона.

Жду.

В три минуты восьмого раздается звонок. Хм, подозрительно рано. Встреча сорвалась?

– Козел! – емко выражается Светка, и я слышу её возмущенное пыхтение, сопровождаемое шумом ветра.

Видимо, быстро идет.

Куда она торопится? Сбегает от чудо-врача?

– Что он тебе сделал? Приставал, что ли?

Почему-то в голову лезут именно такие идеи. Представляю, как огромная лапища этого Макара Эдуардовича ложится на коленку к Светке, и он проникновенно произносит: «Помочь тебе забеременеть?..»

– Да если бы! Посмотрел на меня мерзопакостно, даже вопросы задавать не стал. Говорит, не возьму вас! Я его спрашиваю: на каком таком основании?

– А он? – замираю.

– Ответил, что сам себе основание! И дверь закрыл перед носом! – она добавляет неприличное определение этого самого Корнева.

– А ты поняла, чем он занимается?

– Стоя во дворе? Он меня даже на порог не пустил! Козел!

Подруга вспыхивает как спичка, взбешенная реакцией сомнительного доктора. Во вселенной Светы любой мужчина, даже накрепко женатый, оборачивается в её сторону. А тут внимания не обратил, да ещё и выгнал – такого она не прощает.

Короче, пора признать поражение. Бесполезно туда со-

ваться. Человек явно неадекватен, мнит себя центром вселенной, думает, что может людей вот так запросто выгонять.

Но чуть позже я начинаю сомневаться. А мне бы он что ответил? Если бы я пришла с пакетом документов, притащила бы всю свою подноготную, вывалила бы перед ним как грязное белье: выкидыши, неудачные протоколы.

Пригласил бы внутрь?

Отказал бы?

Кирилл продолжает ругаться – с кем-то другим, по поводу лакокрасочных покрытий, – а я всё обдумываю рассказ Светы. Почему он её послал? Не увидел, что она нуждается в помощи? Или наоборот, понял, что такую вокруг пальца своими шарлатанскими штучками не проведешь?

Нет, ну это невозможно. Мне не сконцентрироваться. Если раньше мозг был занят постоянным отслеживанием цикла, витаминами, таблетками, овуляцией, то теперь... как переклинило.

Зря подругу пустила. Самой надо идти.

Совсем забываю, что только недавно убеждала себя, будто ни за что не пойду к нему домой. Вообще из головы вылетает, потому что появляется глупая, наивная надежда: а вдруг поможет, вдруг только за особые случаи берется, как мой.

Решено. Надо попробовать.

– Кир, – я засовываю голову на кухню, где сидит муж и озлобленно лупит по клавиатуре ноутбука. – Хотела посове-

товаться с тобой. Можно я всё-таки попытаюсь сходить к тому врачу, которого в «Мире репродукции» посоветовали?

Он нехотя отрывается от экрана, хмурит брови.

– Зачем? Мы же договорились сменить клинику.

– Я отзывы почитала о нем, такие хорошие. Вдруг мы должны дать ему шанс?

– Ты уже один раз отзывы почитала, всё впустую, только зря потратились. Иди куда хочешь, – раздраженно машет рукой.

Ой, ну конечно. Припомнил.

Для чего вообще его спрашиваю?

Сначала я хочу дождаться утра, но потом передумываю. Раз он готов был принять клиентку, значит, работает ещё. Позвоню, договорюсь о приеме. Минуту времени его потрачу.

– Слушаю, – отвечают мне, когда я с третьей попытки набираю верный номер.

– Мне вашу визитку дали... в «Мире репродукции», – как же глупо звучит, только сегодня эту же фразу Света говорила. – Мне диагноз поставили... невынашивание.... четыре ЭКО было... я...

– Сегодня сможете подъехать? – перебивает меня Корнев. – Нужно посмотреть на вас перед тем, как решу, братья ли за работу.

– Во сколько?

– К девяти. Адрес на визитке указан, вам её должны были

дать.

– Д-да, конечно. А какие документы брать?

В ответ – максимально негостеприимные гудки.

Очень общительный доктор.

Прямо само очарование.

Глава 3

Не ожидала, что всё завертится так быстро. У него совсем клиентов нет или что? Окно свободное появилось?

Я суетливо собираюсь, высчитываю, сколько ехать. На общественном транспорте точно где-нибудь застряну. Ну, ничего страшного. Вызову машину.

– Кирилл, я к Корневу поеду, – вновь заглядываю к мужу, который успокоился и наворачивает бутерброд под футбольный матч. – Он на сегодня пригласил.

– Прыткий чел, однако, – хмыкает муж. – Что, так бабло нужно? Ты только аккуратнo, разведет же. Заранее не плати, ни во что не ввязывайся. Ясно?

– Ага. Ну, с другой стороны, хорошо, что не придется откладывать. На всякий случай адрес его скинула тебе сообщением. Ну, мало ли что...

Меня напрягает и ситуация, и место, куда еду. Слишком много сериалов смотрела дурацких, про похитителей и серийных убийц. Поэтому будет надежнее, если Кирилл в любой момент сможет приехать и забрать меня.

Только плюхнувшись в такси, выдыхаю, и меня осеняет: я не попросила мужа поехать со мной.

На другой конец города, в ночи, к непонятному эскулапу, о котором ровным счетом ничего не известно. Не спросила, а Кирилл даже не предложил.

Конечно, у него проблемы, древесина вон не та приехала, ему разгребать это нужно срочно, не до поездок туда-сюда по вечернему городу.

Но... но...

Обидно почему-то становится. Как будто проблема беременности стала моей собственной.

Я подъезжаю к дому без пяти минут, громко выдыхаю, заставляя себя нажать на звонок. Смотрю в глазок камеры видеонаблюдения. Щелкает замок. Толкаю тяжеленую дверь и попадаю в поистине гигантский внутренний двор.

Только сейчас осознаю, что он видел меня и наверняка запомнил. Или зря переживаю? Будет Макар Эдуардович каждого встречного-поперечного рассматривать. Ну, отиралась девица у забора, ну, пялилась на его ворота.

А что такого, даже если пялилась? Хотела узнать, кого ей посоветовали. Законом не запрещено гулять по улицам и стоять у чужих домов.

Я гордо расправляю плечи и подхожу к открытой веранде. Дом, конечно, огромный. Тяжеленный такой, похож на хозьяина. Массивный, громоздкий, хоть и одноэтажный. Окна зашторены, свет не пробивается. Двор тоже полупустой, не считая дорожек вымощенных. Ни цветов, ни клумб, ни парников или сарайчиков.

Выстриженный газон, и всё.

Мужчина встречает меня в дверях.

– Здравствуйте, Макар Эдуардович, – обращаюсь к нему

с улыбкой, хватаясь за пакет как за последнюю соломинку. – Я сегодня звонила вам.

Взгляд его тяжелый, прожигает насквозь. Давит. Секунда ему требуется, чтобы сообщить:

– Заходите.

Разворачивается и исчезает в темном нутре холла. Я колеблюсь всего мгновение, а затем послушно забегаю внутрь.

Он меня впустил!!!

Свете отказал, а мне разрешил войти.

Надеюсь, он таки не маньяк и не собирается заниматься всякими гадостями.

Снимаю кроссовки – тапок никто не предлагает – и слеую за Макаром Эдуардовичем в одну из бесконечных комнат. Он одет в футболку и трикотажные штаны. Мышцы выпирают сквозь тонкую ткань, бугрятся, проступают так отчетливо, будто врач обнажен.

Не особо-то похоже на приличного доктора.

Поздно возмущаться, Рит. Сама сюда пришлепала, ещё и на ночь глядя.

Мы с пакетиком оказывается в полупустом кабинете. Стены выкрашены белой краской, на полу – светлый паркет. Посреди кабинета сиротливо стоит кушетка с прорезью для лица, укрытая одноразовой пеленкой. Мне на такой массаж делали.

Ну, не гинекологическое кресло – уже хорошая новость. А то я представляю, как бы этот мужлан сказал своим грубым

басом: «Сымай трусы, красавица, будем тебя осматривать».

– Давайте сюда бумаги свои, – мужчина нетерпеливо тянет руку.

Подаю ему пухлую папку, он недолго перебирает её, но без особого энтузиазма, не вчитываясь ни в диагнозы, ни в методы лечения.

– Ложитесь на спину, – машет в сторону кушетки. – Не раздеваясь.

Лежу. Смотрю в потолок без единого изъяна, скола или трещинки. Думаю над тем, как меня сюда нелегкая занесла.

Точно мошенник какой-то. У него ни инструментов, ни перчаток медицинских нет.

Корнев зависает передо мной, вытягивает ладонь ровно-хонько над животом, но не дотрагивается. Прикрывает веки – я тоже прикрываю, на всякий случай, – стоит с минуту. Затем всё же прикасается поверх одежды – меня словно током пробирает, – надавливает в область пупка. Опять замирает.

Хм, кажется, я поняла его специализацию.

Остеопат!

Мне на работе советовали к такому сходить, когда шею защемило. Но, если честно, результата я не увидела. Тот врач повертел мою голову влево-вправо, несильно постучал по позвонкам и отпустил. Сказал больше не приходить. Не направлял ничего, таблеток не выписывал.

Какой толк от подобного «лечения»? Пощупать себя я и сама способна.

Короче, понятно. Сейчас меня тоже аккуратно осмотрят, ценник в несколько тысяч выставят и разрешат беременеть. Ладно, дождусь окончания и сольюсь.

– Я не возьму вас, – обрывает вдруг мои размышления Корнев.

Я распахиваю глаза, непонимающе хлопаю ресницами.

– П-почему?

– Не возьму, и всё. Идите.

Спускаюсь с кушетки, а у самой коленки трясутся. Необъяснимо. Вроде сама собиралась отказаться, но его слова вывели из состояния равновесия.

Корнев возвращает мне папку, качает головой почему-то. Осуждающе так, словно знает про меня какие-то особые, неприглядные вещи.

– Ты зачем хочешь забеременеть? – совсем другим тоном, уже на пороге, произносит он; мрачным таким, испепеляющим заживо. – Чтобы мужа удержать?

Что?!

Вскидываю голову.

– Сколько вы уже пытаетесь? Пять лет, да? В какой момент ты поняла, что у вас *ничего* не получится? Когда перестала бороться?

Вопросы вроде бы простые, но чувствуется в них подвох. Двойное дно. Сложностью сквозит.

Откуда же я знаю...

Когда вы только начинаете планировать ребенка, ты про-

считываешь даже месяц.

– Не хочу скорпиона! – заявляешь мужу. – Он вредный будет.

Вы полны энергии, вам кажется, что всё получится. Вас даже первые осечки не смущают. Ну, у кого не бывает? Не получилось сегодня – получится завтра.

В какой момент ты окончательно перегораешь, изматываешься?

Мой первый выкидыш меня нисколько не смутил. Я спокойно отлежала в больнице неделю, даже порадовалась, что можно безнаказанно не работать. Эмоций не было: ни страха, ни боли.

Я не рыдала, как другие девочки, в подушку, не скандалила с врачами. Ела вязкую кашу, по утрам делала уколы магнезии (бесполезные, потому что плод было уже не спасти). Меня всё устраивало.

Я не понимала толком, что произошло. Не думала, что это – начало конца.

В женской консультации мне сказали не отчаиваться и продолжать попытки забеременеть.

– А ты думаешь, у всех получается с первого раза? – таранила меня глазами мой гинеколог, тетка в возрасте, носящая вязаную кофту поверх халата. – Ах, если бы. Родишь ещё, какие твои годы?

Я советам её вняла и не стала даже обследоваться.

После – полгода бессмысленных попыток, отслеживание

овуляции, лежание после интима столбиком.

Не получалось. Никак. Не было даже задержек.

Тогда мы пошли по врачам. Кто бы знал, сколько раз за следующий год я сдала анализы на ЗППП! Каждый новый доктор давал один и тот же список обследований, менялся только порядок. Никого не волновало, что всё это давно сдано, что проблема явно не в хламидиозе, которого у меня нет и никогда не было.

Всякий раз они разводили руками, назначали витамины и советовали попробовать ещё раз.

Я психовала, меняла врачей, ставила низкие оценки клиникам.

– А давайте встанем на квоту? Не получается по-простому, сделаем ЭКО, – предложила другая мой гинеколог в женской консультации (от первой я ушла), осмотрев приличную кипу документов. – Мужа проверьте. Вдруг у него что-нибудь найдется.

Она была молодая и ещё не растеряла энтузиазма.

Она первая, кто посоветовал осмотреть ещё и мужа, а не обвинял во всем меня...

У Кирилла действительно оказались так себе показатели. Не плачевные, но для ЭКО по мужскому фактору этого хватало.

Только вот обнаружилось, что встать на квоту – это занятие практически безнадежное. Потому что сначала ты сдаешь одни и те же анализы по десять раз, чтобы собрать пол-

ный комплект, потом тебе дают направление, идешь в больницу, гордо приносишь в регистратуру...

– Мы перезвоним, как подойдет ваша очередь, – механическим тоном сообщают там.

И ты ждешь.

Ждешь.

Ждешь.

Они не врут. Звонят через полгода или год, но чтобы сказать, что у направления вышел срок действия. Переделывайте.

И так по кругу.

Наверное, особо дотошные способны настоять на своем и получить эту чертову квоту. Я по ней не попала ни разу. Всегда что-то мешало. То у них плановые ремонтные работы, то внеплановые, то анализов не хватает, то врач на больничном, то в отпуске, то опять кончился срок действия направления, то изменился порядок его получения.

– Пошли платно, – рявкнул однажды муж. – Устал пресмыкаться перед этими врачами.

Это оказалось значительно быстрее. За ваши деньги вас будут холить и лелеять. Вам быстро назначат дату пункции, выдадут халатик с тапочками, разрешать писать сообщения с вопросами.

Только вот два подряд ЭКО кончились провалами.

Тогда-то меня решили обследовать глубже, отправили на операцию (тоже за наши деньги, разумеется, потому что по

квоте её делали только в областном центре, и очередь стояла по несколько лет). Нашли проблему с эндометрием, пролечили физиотерапией и антибиотиками.

Третья, как и четвертая попытка опять не увенчались успехом.

Поэтому спокойный вопрос Макара Эдуардовича вызывает у меня иррациональный страх.

Когда я поняла?..

Я... до сих пор не поняла... я верю в лучшее... планирую, не опускаю руки.

– В каком смысле, перестала бороться? – чувствую, как начинаю задыхаться.

– Ты когда о ребенке говоришь, то у тебя взгляд затравленной овцы. Никакой надежды, сплошная повинность. Ради чего? Ради мужа или родителей? Кто тебя заставляет рожать? Тебе организм кричит, что вам нельзя общих детей иметь. Эмбрионы не приживаются, но ты упорно продолжаешь травить его таблетками. Зачем? Чтобы мужик не ушел к другой, более плодovитой?

– То есть вы хотите сказать, что если у кого-то не получается забеременеть, значит, ему не суждено иметь детей от мужа? – у меня от злости щеки гореть начинают. – Расскажите это тем, у кого по десятку протоколов, а на одиннадцатый чудо случается! Скажите, что они зря пытались!

Мне становится обидно за всех тех людей. Я столько времени провела на форумах, я беспокоилась за девочек как

за себя, читала про их ощущения, про тесты, подсчитывала вместе с ними дни до сдачи анализа на уровень ХГЧ. Все эти аббревиатуры: ДПП[1], БхБ[2], МФ и ЖФ[3] – для меня имеют огромное значение.

А он взял и всё обрубил, знаток чертов. Руками поводил над животом, прям мастер медицины, кандидат наук.

– У них другая ситуация и проблемы есть реальные, – перебивает меня Корнев, – а ты полностью здорова, просто дурью занимаешься. Иди домой. Мне нечем тебе помочь.

Я нервно влезаю в кроссовки, не расправив задники, едва сдерживаясь, чтобы не накричать.

Как он может судить обо мне, о муже, о чьих-то попытках?!

– Подружек ко мне тоже не нужно подсылать, – ехидничает напоследок, когда я хватаю с вешалки куртку и путаюсь в её рукавах.

– Она что, рассказала?!

– Не говорила она ничего, и так всё очевидно. Иди. Желудком своим лучше займись, а то язву заработаешь.

– Обойдусь без ваших советов.

Мы не прощаемся. Дверь захлопывается за моей спиной, я вылетаю на улицу. Такси как специально блуждает где-то во дворах, а я стою в десятке метров от ненавистного дома и прошу себя остыть. Не заслужил этот Корнев моих эмоций. Не дождется. Права была Света: козел он безрогий.

Да где этот водитель?!

Живот сводит судорогами. Ещё и не поужинала толком. Сначала переживала за Светку, потом готовилась к поездке. Лучше бы мяса с макаронами навернула, чем сюда моталась.

Бороться я перестала...

Что он вообще обо мне знает?!

Он хотя бы догадывается, как страшно каждый раз после ЭКО делать тесты? Ждать второй полоски, а потом выбрасывать тест в мусорное ведро, потому что опять не получилось. Разве ему известно, как бывает больно от собственного бессилия? Как хочется выть от отчаяния?

Когда ты запираешься в квартире, только бы не видеть никого и никогда. Когда твои подруги предлагают тебе встретиться и жутко обижаются на отказы, а ты попросту не готова вылезти из своей скорлупы.

Разве может он понять, что я чувствовала все эти годы?

Ему легко говорить, он...

Бок простреливает болью. Столь сильной, что меня ведет в сторону. Я еле дохожу до машины, которая как назло паркуется у самого въезда в дом Корнева. Водитель опускает стекло, смотрит на меня буквально секунду:

– Я никуда тебя не повезу, укуренная ты какая-то, еле плетешься, – сплевывает он и дает по газам.

Уезжает, а я понимаю, что начинаю оседать на землю. Под правым ребром пронзительно жжет. Даже дышать сложно. Ещё немного, и сознание потеряю. Не было такого никогда, но теперь точно кинжал воткнули в бок и проворачивают.

Мамочки...

«Язву заработаешь», – вспоминается жесткий тон.

Не мог же он меня проклясть... невозможно же...

Я рушусь, когда меня подхватывают сильные руки, встряхивают как тряпичную куклу.

– Сейчас полегчает, потерпи немного, – злым шепотом над ухом.

Я смутно помню, как вновь оказываюсь в доме, как меня укладывают на кушетку и оголяют живот. Самую малость, лишь правый бок. В себя прихожу, когда на ребро ложится горячая ладонь, а вторая начинает надавливать под ним.

Только не он.

Не нужна мне его помощь.

– Отстаньте от меня!

Пытаюсь вскочить, но болью простреливает в спину.

– Утихни, потом истерику закатаешь.

Корнев прижимает меня к кушетке, продолжает давить на ему одному известные точки. Долго. Так долго, что я теряю счет времени.

Удивительно, но становится легче.

– Вы что со мной сделали? – спрашиваю чуть позже, слабым голосом. – Сказали, что желудком надо заняться, и меня тут же скрутило.

Ничего не болит, но и сил двигаться нет. Иссякла. Попросту выпотрошили. Кажется, в уголках глаз скапливаются слезы. Но мне даже руку тяжело поднять, чтобы их стереть.

– Ты думаешь, я колдун какой-то и язву на тебя наслал? – он откровенно смеется. – У тебя на нервной почве проблемы с желудком обостряются. Чувство голода часто испытываешь, а съесть толком ничего не можешь? Да? После еды подташнивает. Ну, вот. Оно самое. Тут перенервничала, не поужинала нормально, днем перебилась каким-нибудь бутербродом. Таблетками себя на постоянной основе травишь. Ещё немного, и рвануло бы, откачивай тебя потом в больнице.

– Так вы остеопат или кто?

Мне уже не хочется скандалить. Просыпается интерес. К его профессии. К нему самому.

– Ну, диплом по остеопатии у меня тоже есть, как и обыкновенный, медицинский. Муж забрать сможет? Тебе нежелательно сейчас шляться по улицам, вдруг опять тряхнет.

Я звоню Кириллу, рассказываю о том, как едва не потеряла сознание перед домом местного Айболита.

– Слушай, а вызови машину? – лениво предлагает он. – Я замотался за день.

Наверное, в любой другой ситуации я бы покорно согласилась, но тут внутри меня поднимается буря. В смысле, замотался?! Я ведь звоню не потому, что мне охота выпендриваться. Я его о помощи прошу. Он последние дни приезжает незнамо когда, он потерял всякий интерес к нашим забегам по клиникам, зато прекрасно катается по ресторанам с заказчиками.

А теперь даже сесть в машину не может и проехать десятков километров?!

– Кирилл, давай мы не будем соревноваться, кто сильнее «замотался». Забери меня, *пожалуйста*, – надавливаю на последнее слово.

– Ладно, жди, – соглашается тот без особого энтузиазма. Думаю, он ещё собираться полчаса будет, одеваться с перерывом на просмотр спортивного канала.

Поэтому я никуда не тороплюсь. Макар Эдуардович не гонит, правда, чай-кофе тоже не предлагает. Оставляет полежать, в себя прийти, а сам уходит куда-то. Интересный такой. Чужого человека в дом пустил и не беспокоится, что я начну по шкафам шуровать.

Впрочем, сил вставать у меня нет. Как и дышать. Как и двигаться.

– Сколько я вам должна? – спрашиваю перед уходом, получив обнадеживающее смс от мужа: «ехать две минуты».

– Иди уже, должница. Болеть желудок будет – звони, посмотрим. С беременностью не помогу. Не в моей компетенции.

– Я поняла.

У ворот сигналит иномарка, я вздыхаю и покидаю дом Корнева с совсем иным чувством, нежели час назад. Облегчения и даже благодарности. Не бросил ведь, отнес к себе, помог, хоть я ему и нахамила.

Трогаю область под ребром. Не болит. Хм. Мне расска-

зывали, что остеопаты творят чудеса руками, но, повторюсь, мой опыт был иным.

Но перестало же ныть, стоило ему прикоснуться. Раз, и отпустило.

Такое возможно?

Надо бы про эту область медицины почитать подробнее...

– Что врач сказал? – участливо спрашивает муж, выруливая на шоссе.

– Беременность не в его компетенции, – повторяю слова Корнева. – Он остеопатом оказался.

– А, ну шарлатан очередной. Я так и говорил, а ты не слушала. Сколько заплатила?

– Нисколько. Он меня осмотрел, даже помог с животом. А денег не взял.

Муж хмыкает.

– Может, тоже к нему на прием сходить? Люблю бесплатную медицину.

Я улыбаюсь, но, если честно, вымученно. Смеяться не тянет, да и обида на Кирилла только ширится, разрастается от каждого его поступка. Словно всё то, что я отказывалась видеть предыдущие годы, внезапно полезло наружу.

Не понимаю, что испытываю после вечера наедине с Макаром Эдуардовичем. Зато вспоминаю прикосновение его ладоней к животу и... непонятное чувство накатывает, заливая щеки краснотой.

Как будто я собираюсь предать Кирилла тем, что мне было

приятно ощущать на себе чужие руки.

[1] ДПП – день после переноса эмбриона

[2] БхБ – биохимическая беременность

[3] МФ и ЖФ – мужской фактор и женский фактор

Глава 4

Я не люблю походы к родственникам мужа, считаю это тяготой, которую нужно отработать раз в три месяца и быть свободной. В принципе, ничего страшного. Улыбайся, хвали угощения, наготовленные моей свекровью. И тебя никто не тронет.

Посиделки проходят по одинаковой схеме, выученной до мелочей.

Сначала мы усаживаемся за огромный, купленный ещё в советские времена, стол. Тетя, дядя, две сестры с семьями, мы с Кириллом. Отец с матерью во главе. Они свои места никому не уступят, даже когда внуки требовательно просят «побыть главными».

– Вот нарожаете себе детей, тогда и будете главными, – вроде бы шутливо отвечает моя свекровь, но в стул цепляется намертво.

Мало ли кто-то решит покуситься на её трон.

Всё уставлено майонезными салатами, жареной курицей и картошкой. Инна Борисовна, моя свекровь, готовит на целое войско и жутко обижается, если кто-то отказывается от добавки.

Отец врубает телевизор – какие-нибудь новости или песни-пляски, – и все поначалу молча жуют. Но когда в кровь попадает алкоголь, родня Кирилла переходит на жаркие де-

баты. Обо всем. Политика, экология, цены на бензин и гречку. Они ощущают себя специалистами в любой области.

– Что сложного-то, раздать населению денег? Каждому – по сто тысяч. Ежемесячно! Тогда и заживем нормально! Жалко им, блин, – стабильно возмущается дядя Женя, брат отца Кирилла.

Первое время я пыталась объяснить, в чем нюансы раздачи денег всем желающим, но поняла – бесполезно.

Меня даже не слышали.

Когда кончается первая бутылка коньяка, начинаются задушевные песни и те самые вопросы, которых я боюсь больше всего.

– Детишками-то когда нас порадуете? – хмельно улыбается тетя Маша, жена дяди Жени. – Годы ваши уже солидные, оглянуться не успеете, как полтинник стукнет.

– Не трогай их, Машка, – щиплет её супруг за пухлый бок, – они эти, таксфри.

– Таксфри – это возврат налога за покупки, – закатывает глаза младшая сестра Кирилла, Анжелика.

– А как надо? – пучит глаза дядя Женя, залпом осушая рюмку.

– Чайлфри, – подсказывает старшая сестра Кирилла, Полина.

– Мы не чайлдфри, – отмахивается мой муж. – Всему своё время, не трогайте нас.

Обычно от него быстро отстают, переключаясь на других

детей. Всем прилетает от любящих родственников. Не столь важно, чем ты занимаешься, пополняешь ли демографию, работаешь ли на заводе или открыл своё дело – тебя найдут, за что осудить.

Поэтому эта встреча тоже должна была пройти тихо-мирно. Всё шло как обычно.

За исключением одного «но».

Сегодня я не налегаю на майонезные салаты, которыми уставлен стол. После того случая пытаюсь перейти на полезную пищу, варю себе каши, ем мелкими порциями, но чаще. Поэтому принесла с собой контейнер с вареной курицей и овсянкой, аккуратно открыла.

– Тебе разонравилась моя стряпня? – свекровь надувает губы.

– Мама, я же говорил, – обрывает ее мой муж. – Рита начала правильно питаться.

Правда, это звучит так, словно я на диету решила усесться, чтобы сбросить лишние килограммы.

– Куда тебе худеть? – удивляется младшая сестра Кирилла, пышечка-Анжелика. – Кожа да кости.

– Я не собираюсь худеть. Желудок болит.

– А знаешь, почему он болит? – влезает свекровь. – Потому что перебиваешься всякой гадостью покупной. Вон, возьми картошечки жареной, грибочков маринованных. Всё домашнее, свежее!

Ага, моему вечному гастриту только грибочков не хвата-

ло, в которых на три четверти уксуса всего одна – воды. Я к ним даже в обычное время не прикасаюсь. Можно слизистые сжечь напрочь.

– Есть у меня рецепт от большого живота, – ухмыляется дядя Женя, брат моего свекра. – Берешь коньяк, добавляешь туда ложку чеснока и две ложки меда. Выпиваешь натошак...

– Ага, спасибо, – делаю вид, будто очень заинтересовалась рецептом, после которого можно оказаться в больнице.

Любые рецепты дяди Жени начинаются с «берешь коньяк» и заканчиваются словом «натошак». Мне кажется, он таким образом от жены, тети Маши, отмазывается. Мол, чего ты злишься, что с утра пью? Это же для здоровья!

Как-то незаметно разгорается спор, только отец Кирилла помалкивает, уставившись пустым взглядом в телевизор. Люблю его немногословность.

– Таблетки пить прекращай, не будет живот болеть, а меня могла бы и уважить, – обидчиво заявляет свекровь. – Раз в год видимся, так нет, со своей плоской пришла. Курицы наварила, смотрите-ка. Я ж курицу варить не умею, зачем меня просить.

Инна Борисовна перебрала, видимо, алкоголь попался некачественный. Её начинает успокаивать тетя Маша, дядя Женя продолжает накидывать чудодейственные рецепты.

Я пытаюсь не спорить, но тут разговор набирает совсем сумасшедшие обороты.

– А вообще знаешь, почему у тебя желудок болит? – перекрикивая всех, спрашивает свекровь. – Потому что ты к нам по-свински относишься! А мы семья твоя вообще-то.

– С чего вы взяли, что я плохо к вам отношусь? Это не так. – Я качаю головой, но мать Кирилла уже не остановить.

– Да видим же, что не нравимся тебе. Вечно в угол залезешь, в телефоне что-то печатаешь. Что, других родственников хотела? Аристократов? Только сама-то со свиным рылом да в калашный ряд лезешь. Пять лет сына моего мучаешь, а забеременеть не можешь. Тьфу!

– Мама! – шикает Кирилл.

– Чего мама? – вдруг оживает его отец. – Правильно всё Инка говорит. Нечего тут фифу строить, когда простейшего дела сделать не можешь. Вон, Полинка двоих уже настрогала, Анжелика не отстаёт. Только Кирюха рот разинул да ждет чего-то.

– Ну, подождите ругаться, – цокает Анжелика, и только я хочу её поблагодарить, как насмешливо объясняет. – Кирюха знал, кого в жены берет, он же рассказывал, что ещё до свадьбы осечка с презервативом вышла, а беременности не случилось. Чего вы на Ритку взъелись? Не только она виновата.

Не только она?!

Я перевожу изумленный взгляд с сестры Кирилла на него самого, но тот лишь закатывает глаза. Он, конечно, пытается остановить жаркий спор, но особо не лезет. Так, ради га-

лочки.

– Скажи им... – шепчу я, готовая от стыда провалиться сквозь землю.

Скажи им, что проблема у нас обоих, что мы лечимся, витаминами пьем, что мужской фактор тоже присутствует.

Но мой муж принципиально молчит.

И я ощущаю, что, несмотря на правильное питание, бок начинает разрывать от боли.

Разумеется, они быстро переключатся с меня на рождаемость в целом, на актрис, которые беременеют в шестьдесят лет. Но остаток вечера проходит как в тумане. Ноет живот, но на душе ещё больше и гаже.

Кирилл не поддержал меня. Разрешил говорить, что я не только бесплодная, но ещё и виноватая во всех грехах. А он, видите ли, знал, кого выбирал. Какой замечательный человек. Подобрал болезную Ритку...

Мы уходим первыми. Пусть меня считают неблагодарной невесткой, но мне неприятно задерживаться в этом доме.

Свекровь на прощание порывается поцеловать меня в щеку, но я делаю вид, будто срочно захотела перетянуть шнурки на кедах.

– Ты на меня не злись, Ритка, я же добра тебе желаю. Кушай нормально и внуков нам уже скорее давай, хватит выпендриваться, – дает последние наставления. – А, цветок купи себе. Спатифиллум, женское счастье, если по-нашему. С ним точно родишь.

– Угу, я поняла. Обязательно куплю.

Мы выходим на улицу, и только там Кирилл пристыженно улыбается:

– Прости, не хотел ругаться с родней. Ты же знаешь, они потом весь год обижаться будут. Оно нам надо?

– Ты должен был меня защитить, – одними губами.

– А чего защищать? – дергает он плечом. – Что они такого сказали? Ну, есть проблема, ну, исправим её.

– Они считают, что проблема только во мне!

Я взрываюсь, перехожу на крик и еле-еле затыкаю саму себя, чтобы не закатить скандал посреди улицы.

– Ну, не так уж они и неправы, – опять улыбается Кирилл; он подвыпил, а потому расслаблен и доволен собой. – Помнишь, мне в последний раз сказали, что с моими показателями некоторые женщины и сами беременеют. Ну, да, жизнеспособных сперматозоидов маловато. И что? Есть же какой-то процент. Только он никак не может совпасть с твоими яйцеклетками. Ну и кто из нас болен?

Не хочу продолжать разговор. Не хочу ругаться, спорить до хрипоты, показывать научные статьи, которые как на подбор твердят, что если из сперматозоидов подвижны только пятнадцать процентов, то это не самый лучший показатель.

Но недавно Кирилл нашел какого-то врача-мужчину, который убедил его, что страшного ничего нет, надо просто витамины пить и в сауне особо не греться.

Больше я ничего ему не говорю. Всю дорогу молчу, отвер-

нувшись к окну.

Мы подъезжаем к дому, и мне так плохо, так невыносимо больно. Во всех смыслах.

Кирилл рушится спать, едва доползает до кровати. А я стою над ним, рассматриваю лицо, такое родное, некогда любимое. Ухожу в ванную комнату, где достаю мобильный телефон и набираю сообщение:

«Макар Эдуардович, когда я могу к вам приехать? Это Маргарита, вы мне недавно желудок лечили. Опять разболелось».

Ответ короткий, но обнадеживающий:

«Приезжай сейчас».

Следующие недели тянулись вяло, в полной нестабильности.

С Кириллом мы общались мало. Нет, внешне всё было нормально. Мы не ссорились, не выясняли отношения, не спали в разных комнатах. Но если раньше я несколько раз в день писала мужу смс или набирала в обеденный перерыв, то теперь делала это только по необходимости. Да и он сам не присылал мне стикеры-сердечки, не спрашивал о моих делах. Всё чаще задерживался на работе допоздна, но я не ревновала, а радовалась в глубине души. Потому что могла уснуть раньше, чем он вернется домой. Могла не начинать неприятных разговоров. Могла не смотреть на него и не вспоминать тех его несправедливых слов:

«Ну и кто из нас болен?»

Кстати, я не пошла в клинику. Врач с больничного вышел, но я попросила отменить прием. Не готова для новой попытки. Не сейчас, когда обижена на мужа, когда на языке горчит от его непрошибаемой уверенности в собственной правоте. Когда он проводит вечера отдельно от меня.

Как можно рожать совместного ребенка, если я не чувствую опоры под ногами?

Меня затопило непонимание. Как жить дальше? Как строить планы на будущее? Что между нами происходит? Мы банально устали, перегорели? Нам нужен отдых? Или это нечто необратимое?

Опасные, неправильные мысли проникали в меня всё глубже.

С Макаром Эдуардовичем мы встречались редко, только во время моих обострений. Когда я предложила увеличить число сеансов до двух-трех в неделю, Корнев ворчливо сказал:

– Мне нет смысла видеть тебя чаще положенного.

Право слово, как будто я его одним своим существованием раздражала. Толком в мою сторону не смотрел, всё отворачивался да спешил скорее в кабинет или коридор: в зависимости от того, приходила я или собиралась уходить.

Денег он с меня тоже брать отказался.

– Вот долечим твою болячку, тогда и заплатишь. А пока обещать ничего не могу.

Но меня пугало другое. Действительно, пугало. Нешуточ-

но. Я подседа на эти сеансы как умалишенная. Когда приехала в тот раз, после посиделок у свекрови, ещё сомневалась в его мастерстве. Он на точки надавливал, а я скептически поглядывала. Думала, вдруг ошибаюсь. Но Макар Эдуардович умудрялся, касаясь моего тела, говорить о вещах, о которых никак не мог знать.

– С велосипеда падала в детстве, – не вопрос, но утверждение.

– Да все падали, – хмыкнула я.

А сама подумала: «Тоже мне, экстрасенс выискался. Скажи ещё, что работа у меня сидячая. Это же очевидный факт».

Чего я вообще к нему пришла, на что понадеялась? Сиюминутное желание затмило разум.

– Падали, может, и все, но копчик ломали только избранные.

И тут меня как током пробрало.

Это в раннем детстве было, навернулась неудачно, но срослось быстро – кости-то подвижные.

Как, как он догадался?! Он даже меня на спину не перевернул, только по бокам водил.

– Брекеты ставила, но не доносила, – говорил Корнев чуть позже, лицо ощупывая, – Челюсть сместилась, а правильно не встала. От этого голова болит. Первый выкидыш во сколько случился? В двадцать пять?

Нет, ну это выше моего понимания. Он по зубам опреде-

лил?!

Выкидыш – тема для меня болезненная, особенно когда в этот момент мне не дают сосредоточиться, а водят руками по затылку, перебираясь к шее. Мурашки по коже ползут. Сложно говорить о проблеме, когда тебе хорошо, когда ты расслаблена.

Но я кивнула.

– Да. А как вы поняли? Неужели по челюсти?

– Почти. Медицинскую карту твою запомнил, – усмехнулся. – Так. Ещё выкидыши были.

Теперь он проглаживал мой живот и поясницу.

– Ну да, ЭКО неудачные.

– Нет, я о другом. Беременность быстро обрывалась, ты даже не знала о ней. Менструация задерживалась на несколько дней, ты наверняка думала, что сбой какой-то. М-да. Знато ты себя замучила, конечно.

Мне стало не по себе. Я представила, сколько у нас шансов оборвалось, сколько детей мы потеряли, а я даже не заплакала по ним...

Его ладони вновь переместились наверх, в область лопаток, резко надавили, выбивая из меня дыхание. Затем одна легла чуть выше груди, между ключиц. Мне стало так тепло, будто кто-то включил батарею.

Тем вечером Макар Эдуардович задавал еще вопросы, на которые и без меня знал ответы. А я всё больше удивлялась и всё сильнее привыкала к его касаниям. Мне безумно нра-

вилось, как бережно он дотрагивался до меня. Через одежду или по голой коже, но аккуратно, ни единого резкого движения.

Никакой пошлости. Ничего лишнего. Неправильного.

В тот раз мы засиделись до полуночи. Желудок успокоился, в позвоночнике перестало ныть. Я себя почувствовала открыленной. Как так вообще возможно? Не понимаю...

Надо побольше про всю эту остеопатию почитать.

– Заберет тебя муж? – задал Корнев короткий вопрос, когда сеанс был закончен.

– Не-а. На такси доеду.

Он посмотрел на меня недовольно и припечатал:

– Не надо такси. Сам отвезу.

– Да ну вы что! Не нужно. Вы и так устали. Я нормального водителя найду.

– Это не предложение, – перебил Макар Эдуардович мои жалкие попытки отказаться. – Я за свою работу беспокоюсь. Поехали.

Что мне оставалось делать?

В тот день я впервые увидела машину Корнева. Нет, не машину. Зверя. Дикого. Рычащего. Внедорожник под стать хозяину: мрачный, мощный. Гигантская махина. Влезть-то не с первой попытки получится. Я провалилась в кожаное сидение, вдохнула аромат мужской туалетной воды. Крепкий, строгий, горчащий. Идеально сочетается с Макаром Эдуардовичем.

Корнев шикарно смотрелся в водительском кресле. Он вел аккуратно, так же, как и тела моего касался – самыми кончиками пальцем, углами ладони, не сжимая руль, не дергая его.

– Сколько я вам должна? За прием и... ну... дорогу? – спросила, когда внедорожник замирает напротив моего подъезда.

М-да, представляю, как много бензина жрет этот монстр иностранного автопрома.

– Нисколько, – отмахнулся Макар Эдуардович. – Мне по пути было.

Сомневаюсь, но спорить не стала. Не решилась.

Удивительный, конечно, врач мне попался. Сам отвозит, денег за прием не берет, сеансы проводит в ночи.

Самое смешное, что я даже не задумывалась о позднем времени, пока на часы не глянула. Не корила себе, что шляюсь незнамо где, что у мужиков на кушетках лежу, а не в теплой кровати. Впрочем, мне было не стыдно – наоборот, спокойно. Правильно поступила, что к нему приехала, а не осталась дома себя жалеть.

– Спасибо вам, – улыбнулась ему напоследок и вышла.

Машина уехала быстро, а я смотрела ей вслед и думала: а сколько лет Макару Эдуардовичу? Он выглядит старше Кирилла, но ненамного. Не старый пень, хоть и есть седые нити в темных волосах. Под сороковник? Чуть больше?

Да уж, не человек – загадка.

Не понимаю, что испытываю к нему. Благодарность? Раздражение? Трепет?

Он так резко отозвался о моих попытках забеременеть. Он не пытался казаться хорошим или дружелюбным. Это должно отталкивать, но почему-то меня наоборот тянуло к нему лишь сильнее.

Кажется, я подседа на этого Айболита как подсаживаются на обезболивающие таблетки.

Короче говоря, следующие недели мы встречаемся редко, хотя мне и хочется приезжать чаще, чтобы руки водили по телу, чтобы кожа под ними полыхала пламенем, а после становилось так легко и беззаботно, так просто, как никогда раньше.

В последующие сеансы Корнев неразговорчив. Все вопросы он уже задал и ответы получил. Жаль. Мне нравится слушать его голос и короткие, точечные объяснения.

Ну а что Кирилл? Муж никак не реагирует на мои отъезды из дома. Хотя, чего ему реагировать. Он в квартире только ночует.

– Смотри, чтоб тебя на бабки не развели, – напоминает постоянно.

Такое ощущение, будто все мысли моего супруга сконцентрировались на том, что кто-то обязательно должен меня облапошить.

Только вот Макар Эдуардович от денег отказывался принципиально.

Хотя... я нашла способ расплачиваться с ним. Станный, конечно. Необычный, как и все наши встречи.

– Пюре с котлетами, – объявляю гордо в один из визитов, вручив Корневу кастрюлю размером с тазик.

– Зачем? – изгибает бровь. – Думаешь, я от голодадохну? У меня хватает клиентов.

Ага, только ты с них денег не берешь.

– К вам несколько раз доставка готовой кулинарии приезжала, я слышала. Так вот. Готовая кулинария. Чем хуже?

Я очень боюсь, что он откажется или скажет, что это недостойно его высоких запросов, но Корнев вдруг усмехается – ему идет улыбка! – и принимает кастрюлю.

– Н-да, сотня клиентов в этом доме побывала, но на моей кухне ты будешь первой. Идем прятать твоё добро.

Буду первой...

Звучит так... м-м-м... заманчиво, что я начинаю густо краснеть.

Мы входим в кухню-столовую. Огромная, как и всё в этом доме, но такая же пустая. Как будто в операционную попала. Всё светлое, хромированное, сверкающее чистотой. Но лишённое жизни. Бестолковая трата пространства.

Здесь не едят по утрам, максимум – наскоро выпивают чашку крепкого кофе перед тем, как убежать на работу. Здесь не скворчит масло, не шинкуются овощи.

– Я могу вам готовить, – предлагаю скромно.

– Нет, спасибо. Мне не нужна домработница, – пресекает

Макар Эдуардович мои порывы к благодарности.

– А если буду изредка приносить что-нибудь? Как сегодня? Домашняя еда – она совсем другая, отличается от покупной. Всё свежее, хорошее.

Только теперь до меня доходит, что я начинаю говорить словами тети Маши, у которой и картошка своя, и сало своё, и почему-то яйца тоже свои, домашние, хотя на тех выбито наименование птицефермы.

Корнев не комментирует мои заявления, и я быстренько затыкаюсь.

Интересно, кстати, у него вроде бы ни жены нет, ни девушки постоянной. Некогда, все силы работа отвлекает? Или я чего-то не знаю? Может, он в дом только клиентов пускает, а собственных баб за порогом держит?

– Чай будешь? – отчего-то интонация в его голосе становится тяжелой.

По-моему, он ожидал, что как любая приличная женщина я откажусь. А я возьми и согласись. Потому что никогда не проводила время наедине с Макаром Эдуардовичем в обстановке, отличной от кабинета или автомобиля. Но даже в пути до моего дома мы всегда молчали.

Я ничего не знаю о нем.

Он определенно увлекается чаями. Те у него исключительно элитные, совершенно непонятные. Корнев перебирает их названия, показывает темные упаковки с иероглифами, а мне даже ответить нечего.

Для меня любой чай вкусный, который не пахнет пожухлой травой.

– Черный какой-нибудь есть? Давайте его.

Я наблюдаю за тем, как Корнев колдует над чашками, порционно заваривая каждому свой чай. Меня завораживают его руки. Вид широкой спины заставляет сглотнуть.

И мне становится так гадко от самой себя. Потому что последние дни о муже я совсем не вспоминаю, зато частенько проматываю перед сном образ Макара Эдуардовича. Никакой пошлости, сугубо картинки моих визитов к нему. Прищуренные суровые, пальцы музыкальные, зависающие над кожей.

Разве это нормально?..

Мы не садимся за обеденный стол: я первой не лезу, а мужчина не предлагает. Стоим у кухонного острова, который отделяет рабочую зону от обеденной.

– Спасибо, – делаю глоток, когда Корнев дает добро. – Очень вкусно.

– Угу. – Он внимательно скользит по мне взглядом. – Что болит?

Если честно, ничего конкретного. Но за последнюю неделю мы не встречались ни разу, а мне так хотелось приготовить эти котлеты. Вот и напросилась на внеплановый прием.

– Да всего понемногу, – начинаю оправдываться, – то голова, то спина...

– То понос, то золотуха, – поджимает губы. – Ладно, до-

пивай и пойдем смотреть.

– Спасибо вам.

– На «ты» меня называй, – не просит, а приказывает. – А то после домашних котлет какой я тебе «Макар Эдуардович»? Кстати, твоё предложение принимается. Я не откажусь от борща с пампушками. Но только в качестве оплаты за сеансы, не на постоянной основе.

Издевается, но мне хочется улыбаться.

И это очень опасное чувство.

Мы со Светой давно не пересекались за пределами работы, но сегодня она предлагает выбраться в бар, отдохнуть «как нормальные люди, а не как загнанные лошади». Поэтому первые полчаса «нормальные люди» со вкусом обсуждают истеричное начальство, невыполнимые задачи, корявые сроки. Короче говоря, душу отводят.

А потом тема плавно перескакивает на мужчин.

– Как твой последний? – спрашиваю, пощелкав пальцами; имя никак не вспомнить. – Егор?

– Родион, – улыбается Света, болтая трубочкой коктейль в высоком стакане. – Да тюфяк. Начал ревновать меня к каждому столбу. Прикинь, пишет вчера: «Мне не нравится, что у тебя так много друзей мужского пола, ты должна исключить их из своей жизни, если хочешь быть со мной».

– А ты что?

– Сказала, что пока на безымянном пальце кольца нет,

друзья мужского пола его волновать не должны.

Света простая, и меня всегда восхищал её взгляд на мир. Легкость, с которой она решения принимает. Я бы, наверное, побоялась открыто язвить своему парню... хотя когда у меня этот парень в последний раз был?

С мужем-то совсем другие отношения. Нет робости, свойственной первым свиданиям. Вы друг друга как облупленных знаете. Скрывать нечего.

«Угу, – одергиваю саму себя. – То-то ты не можешь сказать Кириллу о проблемах и надеешься, что они сами по себе рассосутся».

– А ты сама-то замуж хочешь? – обмакиваю гренку в сырный соус.

– Н-у-у-у, – секундное замешательство, – отчасти. Тридцать три года, пора бы и детей нарожать, и рубашки кому-то гладить. Только вот я не собираюсь абы за кого выскакивать, чисто для галочки. Ты вот как поняла, что Кирилл – тот самый?

Настала моя очередь задумываться. Если честно, конкретного ответа нет. Звезды перед глазами не мерцали, сердце не заходило от счастья, ноги не подкашивались – ничего такого, о чем в книжках пишут. Но мы встречались уже год, переехали в одну квартиру, и когда он пригласил меня на ужин в ресторан, а вместо десерта подарил колечко с камушком, я не сомневалась ни секунды.

Ну а как иначе?

– Мы любили друг друга, ну и...

Звучит так жалко, как будто не придумала приличного ответа. Светино лицо едва заметно кривится, когда я бросаю быстрый взгляд на телефон. Ни одного сообщения за вечер.

– Опять на работе задерживается? – уточняет пасмурным тоном.

– Свет...

– Да помню я, помню. Не лезу. А ты после того раза с чулками больше не пыталась его соблазнить?

– Не-а.

Одна неудачная попытка – это случайность; две – закономерность. Чулки я закинула обратно на антресоли. Буду лук в них хранить лет через сорок.

– Ну и почему? – она возмущена. – Ты совсем руки опустила, что ли? Он вечерами где-то болтается, а ты дома преданно ждешь?

Думаю, не стоит говорить, что последние недели не жду толком. Ужин оставляю на плите, а сама обычно либо лежу с книгой в кровати, либо благополучно сплю, когда он возвращается.

– На тебе сейчас какие трусы?

Вопрос выбивает меня из колеи.

– Э-э-э, чистые.

– Да я не про это! – Света вытаскивает трубочку и показывает ей на меня. – Красивые или «прощай, молодость»?

Ну, вроде слипы. Не самые жуткие, новенькие, просто без

соблазнительных рюшек и кружевных вставок.

– Отлично! – Светка дожидается моего ответа и хлопает в ладоши. – Езжай к мужу прямо сейчас. Хочешь, чтобы у вас всё хорошо было? Так чего тормозишь?

– Я не хочу. Не готова, и вообще.

– А чего готовиться? Пришла к нему, взяла, оседлала. Меньше сомневайся – больше делай. Белье у тебя нормальное, платье свежее. Напомни ему, что жена может быть соблазнительной кошечкой.

– Свет, ты не понимаешь. Я *не хочу* с ним мириться. Мы и не ссорились, если честно. Но мне впервые за долгое время хорошо. Мы не общаемся, не мотаемся по клиникам, не сдаем анализы. Я могу заниматься своими делами.

Подруга замирает, с трубочки её капает капли коктейля на стол.

– Рит... – она сглатывает. – А ты с ним говорила? О том, что чувствуешь?

Мотаю головой.

– Получается, три недели вы живете как соседи?

– Получается, так.

– Езжай к нему, Рит. Но не для того, чтобы соблазнить. А для того, чтобы расставить точки над «и». Тебе больно, а он где-то шатается по вечерам вместо того, чтобы с женой быть. Вам жизненно необходим разговор.

– Зачем куда-то ехать? – съезживаюсь. – Мы и дома можем пообщаться.

Хотя, если честно, мне не хочется этого. Общения, объяснений, диалога. Нет острой необходимости, потому что меня устраивает наша жизнь порознь.

Поговорить – это значит нарушить мой хрупкий покой. Нам придется дойти до какого-то решения, но мне не нравятся все варианты. Я не хочу расходиться с Кириллом, потому что привыкла к нему, да и не считаю, что нужно разбегаться после первой же проблемы. Во всех семьях бывают взлеты и падения.

Но я... я не хочу примирения. Не хочу вновь загонять себя в чертово колесо самоистязания и бесконечных попыток забеременеть.

– Ну-ну. Три недели уже общаетесь, а всё без толку.

Она говорит ещё о чем-то. Убеждает меня, напоминает, что от молчания люди не становятся счастливее. Даже употребляет то самое слово, которого я боюсь как огня.

«Развод».

Света не понимает, как можно усложнять банальные вещи, и мне внезапно передается её настрой. Действительно, почему бы не попробовать?

Поговорить. На нейтральной территории. Обсудить. Помириться, наверное. Или поругаться в хлам, но выплеснуть эмоции.

– А если он опять в ресторане или на объект уехал?..

– Так ты позвони заранее.

Выпитые коктейли добавляют храбрости.

Мы расходимся не сразу. Общаемся ещё, мужчин Светиных обсуждаем, возвращаемся к рабочим пересудам. Даже в такт музыке головами машем, окончательно расслабленные.

Ближе к девяти часам я выхожу из бара и набираю номер Кирилла. Тот отвечает через несколько долгих секунд тишины.

– А?

– Ты ещё на работе?

– Ну да.

– В офисе? – уточняю.

– Да. Ладно, пока. Мне совсем некогда, дел по горло. Потом поговорим, хорошо?

Я киваю Свете – всё нормально, трудится, не покладая рук.

– Говорит, что работы много...

– Не сомневаюсь. Ничего страшного. Тебе минутку уделить сможет, заодно, глядишь, и пересмотрит список неотложных дел, когда поймет, что жена близка к нервному срыву.

Подруга мрачно хмыкает и заказывает такси.

– Иди. Удачи тебе.

Мне придают уверенность в себе три выпитых коктейля и последние наставления Светки. Уж она-то не ошибается в таких вопросах, ей можно довериться.

В фойе встречает другой охранник. Повезло.

– В пятьсот седьмой офис можно? Там ещё открыто?

– Какие поздние клиенты-то, – качает он головой. – Да можно, конечно. Заходите.

На турникете зажигается зеленый огонечек, и я несусь к лифту, одергивая платье, поправляя смазавшийся макияж. Накусываю губы – Света когда-то объясняла, что так они выглядят соблазнительнее. Выхожу.

Я иду по инерции, но губы почему-то кусаю. Не ради соблазнения, а потому что дико нервничаю.

Дверь в офис закрыта. Тихонечко тяну на себя, на цыпочках крадусь внутрь. Свет выключен, но в дальнем углу призывно горит настольная лампа.

– Кирилл, прости, что я приехала, но...

Парочка людей – мужчина и женщина, – меня даже не замечают. Так увлечены процессом.

Глава 5

Я покидаю вначале офис, затем – само здание. Уверенно так, медленным шагом. Обычно героини фильмов, увидев, как любимый человек разложил на рабочем столе другую женщину, орут, рыдают, несутся незнамо куда.

Но я вполне спокойна. Внутри – штиль, затишье, ни единого порыва ветра.

Меня отпустило. Всё то, что тревожило совсем недавно, казалось значимым, лопнуло как мыльный пузырь. Внутри лишь пустота.

Зачем скандалить? Зачем таскать по кабинету «разлучницу» за волосы? Какой смысл в громком выяснении отношений?

Всё и так предельно ясно, и мне не станет легче, если я разрыдаюсь или начну крушить мебель.

– Твой муж тебе изменяет, – повторяю как мантру, обращаясь как будто не к самой себе, а к чужому человеку. – Он тебе изменяет. У твоего мужа есть любовница.

Сомнений быть не может. Девушка, сидящая на столе в задранной до пупа юбке и мужчина, стоящий между её ног. Картинка намертво застревает в моей голове. Мельтешит перед глазами.

Кажется, я до сих пор слышу их стоны.

Домой не хочу возвращаться. Ничего не хочу. Вообще.

К Свете можно податься или к родителям сунуться, да только нет желания. Светка начнет костерить Кирилла, проклиная его, а затем скажет что-то типа «Я же говорила». Нет, спасибо, обойдусь без нравоучений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.